

АННА
СОРОКА

СОНЯ
МИРОНОВА

Здесь
рождается
больше,
чем глина

МОЙ МАЙОР

ОГНЕННАЯ ГЛИНА

Соня Миронова

Мой майор. Огненная глина

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой майор. Огненная глина / С. Миронова — «Автор», «Автор»,
2026

Бандиты ворвались в мою гончарную лавку с битами и дарственной: подпиши — или останешься без пальцев. Но я не отдам дедовскую мастерскую под чужие коттеджи. Когда в меня направили пистолет, незнакомец заслонил меня собой. Константин Беркутов, майор полиции из отряда «Гром». Его руки умеют обезоруживать убийц — и удивительно бережно касаться моей кожи. Теперь он живёт в нашем флигеле, охраняет посад и помогает мне строить печь. Рядом с ним я впервые чувствую себя в безопасности и всё чаще забываю, как дышать. Только застройщик не привык проигрывать, а местный участковый защищает вовсе не нас. Чтобы сохранить дом, нам придётся держать оборону вместе. Но позволю ли я своему защитнику войти не только в мастерскую, но и в сердце?

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Сорока

Мой майор. Огненная глина

Мой майор. Огненная глина
Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Октябрьское солнце над Волгой садилось тяжело и густо, вплавляясь в стильную воду сливочного червонного золота. В этот час моя гончарная лавка наполнялась прозрачным покоем. Воздух пах остывающей шамотной печью, сухой дубовой стружкой, речной сыростью и тонким духом влажной глины, ждавшей на формовочном столе под льняной дерюгой.

Я сидела за сосновой конторкой у широкого окна с резными наличниками. Пальцы уверенно вели тонкую беличью кисть. На деревянной подставке поворачивалось праздничное блюдо — последняя работа покойного деда Михея, которую я поклялась завершить к ярмарке. Темно-синяя кобальтовая глазурь ложилась на белый черепок, повторяя старинный посадский орнамент: соколиные крылья и языки огня.

Тишину разорвало внезапно и подло.

С прибрежного тракта донесся визг покрышек, а через секунду кованые петли вековых ворот со стоном вывернуло наружу. Металлический таран снес створку. В узкий двор усадьбы Лихачевых с ревом влетели две черные тонированные иномарки без номеров. Гравий брызнул дробью в витрину.

Дверь лавки распахнулась от удара кованого носка ботинка. На пороге возник Григорий Гвоздев по кличке «Гвоздь» — бригадир теневого застройщика Эдуарда Потапова, сухопарый уголовник со шрамом через всю челюсть. За его спиной маячили двое громил с дубовыми битами.

— Ну что, Лихачева, домесила грязь? — Гвоздь осклабился, обнажив желтые зубы, и сбил плечом напольную подставку. Полуметровая ваза с тонкой лепкой рухнула на пол, брызнув острыми осколками. — Время вышло. Эдуард Потапов ждать не любит.

Он шлепнул на конторку плотный лист бумаги:

— Подписывай добровольный отказ от аренды берега и дарственную на мастерскую. Прямо сейчас. Или мои хлопцы тебе пальцы по одному переломают на твоем же круге. Решай, девка.

У меня перехватило дыхание, но вместо страха поднялась горячая родовая ярость. Мой прадед рубил эту усадьбу на волжском яру, дед берег каждую пядь прибрежной глины, и отдавать родное гнездо под дачи криминального ворья я не собиралась.

— Пошел вон, — отчетливо сказала я, глядя ему прямо в зрачки.

— Чего?! — Гвоздь дернулся, протягивая руку к моему горлу.

Я не стала пятиться. Обеими руками подхватив с полки тяжелую керамическую банку с неразведенной кобальтовой эмульсией — густой, темно-синей жижей, — я с коротким выдохом плеснула ее прямо в осклабленную физиономию налетчика.

Гвоздь истошно взвизгнул. Темно-синяя масса залепила ему глаза и ноздри. Он замахал руками, сбивая горшки:

— Сука! Глаза выжгло! Кончайте ее, бейте все!

Двое амбалов с матерным ревом бросились ко мне, вскидывая биты. Полки затрещали, авторские кринки посыпались на пол градом черепков. Я отшатнулась к печной кладке, лихорадочно шаря рукой по верстаку в поисках железного стека, понимая: против двоих качков я бессильна.

В этот миг в проеме разбитой двери сгустился сумрак.

Незнакомец появился абсолютно бесшумно, будто шагнул из осеннего речного тумана. Исполинского роста, под два метра, широкоплечий, в выцветшей армейской штормовке и запыленных берцах. Движение его было настолько стремительным, что взгляд едва успел за ним уследить.

Широкая ладонь гиганта на излете встретила летящую в меня битую. Дерево врезалось в ладонь с сухим щелчком, но рука мужчины даже не дрогнула. Короткий перехват, неуловимый рычаг на кисть — и раздался хруст ломающихся костей предплечья. Бандит взвыл, а незнакомец, даже не глядя на него, ударом кованого берца в грудь вынес второго амбала обратно на крыльцо. Тот пролетел метра три и тяжело рухнул в гравий.

— Твою мать!.. — ослепший Гвоздь, размазывая по лицу краску, отшатнулся к витрине и сунул руку под куртку.

Я похолодела. В его руке тускло блеснул вороненый ствол боевого пистолета Макарова с навинченным глушителем. Гвоздь поднял ствол, целясь мне прямо в живот. Он приехал не запугивать — он приехал хладнокровно убивать.

— Ложись! — низкий, рокошующий бас ударил по ушам.

Незнакомец не прятался. Одним слитным движением он перекрыл линию огня своей могучей спиной. Хлопок выстрела утонул в звоне разбитого стекла — пуля срикошетила от чугунной печной заслонки. В ту же долю секунды ребро тяжелой ладони мужчины обрушилось на запястье налетчика. Пистолет со стуком улетел под верстак, а кисть Гвоздя неестественно вывернулась. Главарь рухнул на колени, воя от боли.

Позади раздался шорох. Четвертый налетчик, сидевший за рулем передовой машины, бросился из засады с тяжелым дубовым брусом от сломанной витрины, целя гиганту в затылок.

— Сзади! — крикнула я.

Незнакомец даже не обернулся. По шороху черепков под подошвой он пригнулся, поднырнул под замах и перехватил бандита под бедра. Сокрушительный бросок через себя — и стокилограммовое тело впечаталось в кафельные плиты пола. Парень затих в нокауте.

Гвоздь, захлебываясь слезами и краской, пытался левой рукой дотянуться до пистолета.

Мужчина шагнул вперед. Подошва берца легла на грудь главаря, слегка вдавливая ребра внутрь. Бандит захрипел, широко разева рот:

— Кто послал бригаду, падаль? — голос незнакомца был пугающе спокойным, металлическим.

— Потапов... — просипел Гвоздь. — Эдуард Потапов из «Регион-Девелопмента»... Он землю забирает... Все равно вас всех спалят!..

С улицы раздался рев мотора. Водитель второй иномарки врубил заднюю передачу. Двухтонный внедорожник взревел и понесся задом на остекленное крыльцо лавки, стремясь раздавить нас и эвакуировать бригадира.

— Назад, к стене! — бросил гигант.

Он метнулся к массивному верстаку, где стояла старая дедовская чугунная наковальня весом пуда в два с половиной. Подхватив сорокакилограммовую глыбу металла обеими руками, словно березовый чурбак, мужчина сделал два пружинистых шага к проему и с чудовищной силой швырнул ее навстречу несущейся корме машины.

Удар был подобен взрыву. Наковальня снесла стойку кузова и вошла в салон. Внедорожник закрутило на гравии, стекло осыпалось на сиденья, и машина сползла в кювет, задрвав задние колеса. Водитель вывалился через разбитое окно, подхватил выползшего Гвоздя, и оба в панике бросились бежать вверх по тракту в сторону леса.

В лавке повисла звенящая тишина. Только капли кобальтовой глазури мерно капали с конторки на пол: кап... кап... кап...

Адреналин схлынул волной ледяной слабости. Ноги подкосились, я оступилась на скользких черепках и начала заваливаться на острые обломки.

Падения не случилось.

Тяжелые, горячие ладони подхватили меня под мышки легко, словно пушинку. Я уткнулась лицом в жесткую парусину штормовки, пахнущую пороховой гарью, пылью и речным

ветром. Сквозь ткань я ощутила каменную твердость его груди и ровный, спокойный ритм сердца. В этом прикосновении не было наглости — только абсолютная мужская защита.

— Жива, хозяйка? — тихо спросил он надо мной.

Я подняла голову, утонув в его глубоких, серо-стальных глазах.

* * *

— Жива... — выдохнула я, заставляя голос звучать ровно. Сердце колотилось у самого горла. — Пустите, пожалуйста. Я сама.

Он плавно разжал руки, давая мне нащупать опору, но остался стоять в полушаге, готовый в любую секунду подставить плечо.

Я оглядела разгромленную лавку. В груди болезненно сжалось: труд трех месяцев лежал под ногами пестрой грудой осколков. Среди праха сиротливо белело доннышко дедовской медовой вазы — ее уникальную золотистую поливу дед восстанавливал по старинным записям почти десять лет.

— Дедушкина ваза... — шепнула я и опустилась на колени, пытаюсь собрать черепки.

— Не трогай руками, порежешься, — предостерег незнакомец, но было поздно.

Острый край черепка вспорол ребро моей правой ладони. Горячая алая кровь брызнула на светлое дерево пола, смешиваясь с синими разводами кобальта. Я стиснула зубы от резкой боли.

Мужчина опустился рядом на одно колено. Без лишних слов он перехватил мое запястье — пальцы у него были шершавыми, сильными, но держали поразительно бережно. Второй рукой он достал из нагрудного кармана герметичный пакет армейского бинта и зубами сорвал упаковку.

— Сиди смирно. Сухожилие не задето. Сейчас перетянем.

Он развернул стерильную подушечку, прижал к разрезу и тугими, профессиональными витками забинтовал ладонь, аккуратно зафиксировав узел. Работал он с ловкостью полевого хирурга, для которого раны были привычным делом.

Только сейчас, когда он склонился надо мной, я заметила, как по его правому виску стекает темная струйка крови. Осколок стекла рассек ему кожу над бровью, и кровь уже запеклась на скуле.

— Вы же сами ранены! — вскрикнула я. — У вас кровь на лице!

Он лишь усмехнулся краешком губ:

— Ерунда. На мне заживает как на собаке.

— Ничего не ерунда! В моем доме раненые не командуют. Пойдемте в мастерскую, там есть перекись и чистая вода. Живо.

Я поднялась, увлекая его во внутреннюю половину усадьбы. Здесь пахло еще теплым кирпичом печи, березовой корой и сушеным чабрецом. Я зажгла керосиновую лампу, янтарный свет которой выхватил массивный дубовый стол и липовую скамью у теплого печного бока.

— Садитесь сюда, — приказала я, ставя на стол эмалированный ковшик с водой, флакон перекиси и марлю. — И снимите куртку. Она на плече разорвана.

Мужчина молча расстегнул молнию и стянул выцветшую штормовку, оставшись в темно-синей армейской тельняшке.

Он приподнял тельняшку, проверяя, не задело ли плечо. У меня перехватило горло. Рука с марлевым тампоном замерла в воздухе.

Его мощные плечи, бугристые трапеции и вся левая лопатка были покрыты страшными, узловатыми багрово-синими рубцами. Кожа там напоминала оплавленную комковатую глину: следы глубоких осколочных ранений от разрыва крупнокалиберной артиллерийской мины. Чудо, что человек с такими увечьями вообще выжил. Мой спаситель был кадровым боевым офицером, чудом выкарабкавшимся из ада.

Незнакомец перехватил мой ошеломленный взгляд. Челюсти его сжались:

— Шрамы старые, хозяйка. Осколочное под Кременной. Полгода по госпиталям штопали.

— Я не боюсь, — тихо, но твердо ответила я. — Меня Надеждой зовут. Надежда Лихачева.

— Константин, — коротко представился он. — Беркутов.

Я смочила тампон перекисью и осторожно коснулась его рассеченного виска. Перекись зашипела белой пеной. Мужчина даже глазом не моргнул, только дыхание стало глубже. Мы оказались так близко, что я чувствовала тепло его кожи. От него пахло металлом, полынью и речным ветром. Серые глаза Беркутова смотрели на меня в упор — тяжело, испытующе, словно он проверял, не сломалась ли я после налета. От этого взгляда по спине пробежали мурашки, а сердце пропустило удар.

Тишину нарушил скрип петель и тяжелые шаги.

В мастерскую, пошатываясь, ввалился местный участковый капитан Василий Лобов. Мундирная куртка была расстегнута, фуражка съехала набекрень, а от одутловатого лица за версту несло дешевым коньяком. В руках он держал помятую папку:

— Так-так-так... Что тут за побоище, Лихачева? Соседи звонят, шум, драка! Опять хулиганишь? Граждане жалуются, ты на уважаемых людей из города с кулаками кидаешься, машины им побила! Пиши объяснение: мол, бытовая ссора, претензий не имеешь. А то ведь я тебя сейчас в отдел оформлю за нанесение тяжких телесных! В ИВС посидишь — посговорчивее станешь!

Я онемела от такой неприкрытой подлости. Лобов отрабатывал подачки Потапова.

Беркутов медленно поднялся со скамьи.

Он вставал долго, разворачивая плечи во всю свою двухметровую мощь, пока не заслонил свет лампы. Участковый осекся, попятился и уперся спиной в косяк:

— Кто это у нас тут голос подает? — с леденящей усмешкой произнес Константин.

Из кармана брюк он достал темно-красное удостоверение с золотым тиснением и раскрыл перед носом полицейского: *«Майор Беркутов Константин Дмитриевич, командир итурмового взвода ОСН „Гром“ МВД России»*.

Лицо Лобова мгновенно посерело. Хмель вышибло начисто:

— Т-товарищ майор... Я же не знал...

Беркутов шагнул вперед, взял участкового за лацканы кителя и приподнял на цыпочки, прижимая к бревнам:

— Значит так, капитан. В лавке лежит боевой пистолет Макарова с глушителем. Во дворе стоит иномарка с чугунной наковальней в салоне. Двое налетчиков бежали в лес, еще трое остались лежать в лавке и у крыльца. Сейчас ты садишься за стол и под мою диктовку составляешь протокол осмотра места происшествия по факту вооруженного разбоя и покушения на убийство группой лиц. Изымаешь флешку с уличной камеры наблюдения. Если хоть одно слово исказишь — пойдешь соучастником по двести девятой статье УК РФ. Бандитизм. До двадцати лет строгого режима. Вопросы есть?

— Н-никак нет, товарищ майор! Все сделаю в лучшем виде! — заикаясь, залепетал Лобов, судорожно доставая ручку.

Спустя сорок минут, оставив копии протоколов и забрав упакованный пистолет, трясущийся участковый буквально выкатился со двора.

На Гончары опустилась глухая октябрьская ночь. Я вышла на крыльцо.

— Они не остановятся, Константин, — тихо сказала я. — Потапов скупил полрайона. Ночью они вернутся. А вы... где остановились?

— На турбазе за протокой, — ответил он, глядя в темноту.

— Не надо на турбазу. Там глухомань, отрежут дорогу — и концы в воду. У нас во дворе есть гостевая половина флигеля с печью и отдельным входом. В другой половине живет тетя Вера. Окна на реку. Оставайтесь у нас. Пожалуйста.

Беркутов помолчал, глядя в мои глаза, затем коротко кивнул:

— Договорились, Надежда. Показывай флигель. Оборону будем держать вместе.

Глава 2

Полночь накрыла усадьбу Лихачевых ватным безмолвием. С Волги поднялся густой туман, затопивший низины сада и скрадывающий очертания вековых яблонь.

Я не могла уснуть. Лежала в мезонине, чутко прислушиваясь к каждому шороху. В ладони мерно пульсировала боль от пореза, но куда сильнее саднило предчувствие беды.

Внезапно со двора донесся глухой рык. Наш дворовый пес Пират коротко взлаял, захлебнулся и жалобно заскулил, словно от удара тяжелым предметом. Цепь звякнула о будку и затихла.

Холодная волна страха прокатилась по спине. Я босиком подбежала к окну и отвела занавеску.

Сквозь мутную пелену тумана я разглядела две сгорбленные тени, перемахнувшие через тыльный часток сада. Они двигались слаженно, неся тяжелые канистры. Они крались к задней сушильне — длинному бревенчатому строению, где досыхали сотни сырых изразцов и хранились трехлетние запасы колотой березы и сухого шамота. Если вспыхнет сушильня — огонь по переходам за считанные минуты перекинется на жилой дом.

Схватив металлический фонарь, я бросилась в темный коридор, чтобы спуститься вниз и поднять тревогу.

Но едва я ступила к лестнице, как из тьмы выросла исполинская фигура. Железная ладонь легла мне на плечо, а палец коснулся моих губ.

— Тихо, — шепот Беркутова коснулся уха. Он уже был в тактической экипировке, с ножом на поясе. — Сиди в горнице, дверь на засов. Во дворе двое с зажигалками. Я сниму их сам.

— Константин, там сушильня...

— Ничего не сгорит. Верь мне.

Он растворился во тьме лестничного пролета.

Я не смогла запереться. Опустившись на колени у слухового окна, я прижалась лбом к холодному стеклу.

Двое налетчиков уже подобрались к сушильне. Свинтили пробки с канистр, и до меня донесся резкий запах бензина. Первый диверсант начал щедро поливать нижние сосновые венцы постройки.

Беркутов вынырнул из тумана за их спинами словно призрак. Шаг, второй — и короткое ребро ладони майора с глухим щелчком обрушилось на боковую поверхность шеи первого поджигателя. Парень обмяк мгновенно, без звука выронив канистру в траву.

Но второй бандит оказался опытнее. Заметив падение подельника, он не стал драться. С диким воплем он чиркнул зажигалкой и с размаху швырнул горящую пятилитровую канистру.

Только целил он не в сушильню.

Пылающий снаряд по дуге полетел прямо под деревянные резные ступени жилого флигеля — туда, где спала моя глуховатая тетя Вера.

— Тетя Вера! — крик застрял у меня в горле.

Сухое смоленое дерево вспыхнуло как порох. Стена оранжевого пламени отрезала входную дверь флигеля, черный удушливый дым повалил в открытую форточку.

Константин не колебался ни секунды. Бросив оглушенного врага, он в три гигантских прыжка преодолел разделявшее их расстояние. На бегу сорвав с себя брезентовую штормовку, майор буквально нырнул в очаг огня.

Своим телом, накрытым брезентом, он навалился на пылающую канистру, сбивая пламя, затапывая огонь тяжелыми подошвами берцев. Ударом ноги высадив заклинившую створку двери, Беркутов ворвался в задымленные сени и через несколько секунд вынес на руках каш-

ляющую тетю Веру, бережно опустив ее на траву под яблоней. Рукава его тельняшки тлели, на ладонях вздувались пузыри от ожогов, но он даже не взглянул на раны.

Второй поджигатель мчался к волжскому яру, надеясь уйти на моторной лодке. На бегу он выхватил длинный охотничий тесак.

— Стой! — рявкнул Беркутов.

Он настиг беглеца у самого края песчаного обрыва. Бандит полоснул клинком наотмашь, метя майору в горло. Константин жестким блоком сбил руку с ножом, а сокрушительная подсечка бросила бандита в мокрую глинистую грязь. Залом руки за спину — и хруст плечевого сустава заставил налетчика заверещать от боли. Клинок со свистом улетел в темные воды Волги.

— Молчать, — бросил Беркутов, придавив голову диверсанта коленом.

Я уже сбежала во двор, помогла тете Вере отойти подальше от дымящегося крыльца и подбежала к Константину.

В кармане куртки лежащего бандита надрывно запел спутниковый телефон. На светящемся экране высветилось имя: «*Эдуард Потапов*».

Беркутов достал аппарат, включил громкую связь и запись разговора.

Из динамика полился хриплый голос застройщика:

— Алло! Сушильню спалили? Надеюсь, бабку с девкой внутри заперли? Доложи обстановку, мне губернатору звонить надо!

Константин поднес микрофон к губам. Его голос звучал холодно, словно удары молота:

— Докладываю обстановку, господин Потапов. Говорит майор спецназа Беркутов. Твоя диверсионная группа обезврежена, показания записаны на аудио. А теперь слушай сюда. Если хоть один волос упадет с головы Надежды Лихачевой или ее близких — я приду за тобой лично. И никакие связи в администрации тебя не спасут. Ты понял меня?

В трубке повисла мертвая тишина, сменившаяся гудками отбоя.

Беркутов поднялся, надежно связал обоих поджигателей бельевой веревкой и запер их в холодном дровянике. По рации вызвал районную опергруппу и дождался подтверждения: за задержанными уже выехали. Затем он быстро шагнул к будке у забора. Пират лежал на боку, тяжело дыша от оглушающего удара палкой, но, увидев нас, слабо вильнул хвостом и ткнулся влажным носом в ладонь майора. Константин осторожно ощупал ребра пса, налил ему в миску свежей воды из кадушки и тихо сказал: «Кости целы, жить будет сторож». Первые лучи рассвета начали пробиваться сквозь туман, окрашивая мокрый сад в пепельно-розовый цвет.

* * *

К семи часам утра туман над Волгой рассеялся, открыв прозрачно-синее осеннее небо. Но покоя в Гончарах не было.

Со стороны центральной площади посадка — прямо возле магазина «Речник» и старой пожарной каланчи — послышался непрерывный рев клаксона, сменяющийся дребезжащими хрипами мегафона.

Мы с Константином вышли за ворота усадьбы. Я накинула шерстяную шаль; ладонь под повязкой глухо ныла, но я не могла оставаться дома.

На площади собралась половина поселка: женщины в платках, старики-гончары, мастеровые лозоплетельщики. Все они испуганно жались к деревянному крыльцу «Речника».

Проезд наглухо перекрывал огромный черный внедорожник «Шевроле Тахо». На капоте сидел Виктор Быков по кличке «Бык» — начальник личной охраны Потапова, здоровенный амбал весом под сто тридцать килограммов в кожаном пальто и черных стрелковых перчатках. В руке он сжимал рупор.

— Слушать сюда, деревенщина! — ревел Бык в мегафон. — Срок вам до полудня! Либо вы всем миром выдадите моих ребят, которых спрятала Лихачева, и подписываете согласие

на снос мастерских, либо сегодня к вечеру поселок отключат от электроподстанции, газовую трубу перекроют, а ваши халупы запылают со всех углов! Потапов здесь хозяин! Кто против — сгниет в канаве!

Дед Матвей — Матвей Иванович, старейшина посада, попытался шагнуть вперед, опираясь на палку:

— Да по какому праву вы людей пугаете, ироды?! Здесь наши деды жили...

— Заткнись, пень трухлявый! — Бык спрыгнул с капота. — Еще вякнешь — прямо здесь закопаю!

Я не выдержала. Чувство вины за то, что из-за нашей усадьбы страдают соседи, обожгло меня изнутри. Тетя Вера догнала нас у магазина и попыталась удержать меня за рукав. Высвободив руку, я решительно шагнула вперед, выходя на середину пустой площади:

— Оставь людей в покое, Бык! Твои бандиты задержаны за попытку поджога и убийства. Убирайтесь вон из Гончаров!

Амбал замер, перевел на меня налитые кровью глазки и осклабился:

— А, Лихачева! Сама пришла. Вот и славно. Поедешь со мной к Эдуарду Борисовичу, на коленях прощения просить будешь за пацанов.

Он тяжелой поступью двинулся ко мне, протягивая лапу в кожаной перчатке, чтобы сгрести за ворот куртки и втащить в салон.

В ту же секунду с легким свистом опустились тонированные стекла задних дверей внедорожника. Из черных проемов высунулись стволы двух укороченных карабинов «Сайга-12К» с круглыми барабанными магазинами. Они взяли толпу сельчан на прицел. Бандиты приехали устроить показательную кровавую расправу.

Женщины ахнули, прижимая к себе детей. Я замерла, понимая, что отступить не успею. Но шаг из-за моей спины был быстрее пули.

Константин возник между мной и нападающим с поразительной стремительностью. Его левая рука метнулась вперед, и пальцы намертво сомкнулись на запястье тянущегося ко мне Быка.

Хватка майора спецназа была подобна стальным тискам. Бык даже не успел сообразить, что произошло, как Беркутов скрутил его руку наружу, дернул здоровяка на себя и со всего маху впечатал его физиономию прямо в хромированную решетку радиатора джипа.

Звук удара металла о кость разнесся по всей площади. Хром треснул, брызнули осколки фар, Бык захлебнулся кровью из сломанного носа и истошно взвыл.

— Огонь! Вали их! — раздался хриплый крик из салона джипа.

Стрелки попытались дослать патроны, но Беркутов уже действовал по законам штурмового боя. Используя стотридцатикилограммовое тело воющего Быка как живой щит, майор сделал рывок к водительской двери. Мощнейший удар его кованого берца впечатал приоткрытую дверцу внутрь салона, переломив предплечье первому стрелку. Карабин со звоном вывалился на асфальт.

Не теряя ни доли секунды, Константин выдернул из кобуры свой табельный пистолет Макарова и сквозь разбитое боковое окно упер холодный вороненый срез ствола прямо в переносицу второму боевику.

— Бросить оружие. Обоим. Считать до одного не буду, — голос Беркутова прозвучал без единой эмоции, сухой щелчок взводимого курка прогремел громче грома.

Второй карабин немедленно вылетел из окна и загремел по брусчатке. Стрелок поднял дрожащие руки, вжимаясь в сиденье.

Беркутов швырнул обмякшего Быка на колени в пыль перед капотом, наступил ногой на его сломанную руку и оглядел замершую площадь.

— Всем слушать меня! — его командирский голос перекрыл шум осеннего ветра. — Я майор отряда специального назначения «Гром» Константин Беркутов. С этой минуты посад

Гончары и усадьба Лихачевых находятся под моей личной защитой и охраной закона. Любой бандит, наемник или провокатор, который ступит на эту землю с оружием или угрозами, будет уничтожен на месте по законам военного времени. Передайте это вашему Потапову. Забирайте своего недобитка и проваливайте отсюда к чертовой матери. Чтобы через минуту духу вашего здесь не было!

Стрелки в панике выскочили из джипа, подхватили под мышки стонущего Быка, затащили его на заднее сиденье и с бешеной пробуксовкой рванули прочь по тракту.

На площади воцарилась ошеломленная тишина. А затем из толпы вышел Степан Савельев — капитан спецназа в отставке с позывным «Седой», боевой товарищ Беркутова и председатель районного совета ветеранов. Он подошел к майору, оглядел брошенные карабины, посмотрел в суровое лицо офицера и крепко пожал ему руку:

— Здравствуй, командир. Рад видеть в строю. Теперь мы за Надьку и за Гончары спокойны. Если помощь какая нужна — бревна подвезти, дозоры выставить на «Тигре» — ты только скажи. Весь совет ветеранов встанет.

Люди на площади зааплодировали, женщины утирали слезы облегчения.

Константин пожал руку старику, кивнул сельчанам, а затем повернулся ко мне.

Его суровое, высеченное из гранита лицо дрогнуло. Серо-стальные глаза потеплели, в них промелькнула незнакомая мне доселе мягкая нежность. Он шагнул ближе, осторожно коснулся пальцами здоровой руки моего плеча и негромко, так, чтобы слышала только я одна, произнес:

— Бой окончен, Надя. Угроза снята. Пойдем домой. Надо навести порядок в лавке, починить крыльцо и протопить печь.

У меня перехватило дыхание, и я лишь молча кивнула, чувствуя, как внутри разливается долгожданное, спасительное тепло.

* * *

Вечер опустился на усадьбу Лихачевых тихим синим пологом. Я сменила Константинову повязки на обожженных ладонях; он сидел смирно и лишь морщился, когда бинт цеплялся за кожу.

Тетя Вера, уставшая от переживаний бурного дня, уснула во флигеле, укутавшись в пуховый платок. Лавка была прибрана: битые черепки выметены, разбитые окна заколочены свежей светлой фанерой, пахнущей смолой и сосной. На прочном чугунном крюке под навесом сушильни Беркутов лично закрепил новые кованые засовы.

В мастерской мерно потрескивали сухие березовые поленья в топке печи. На круглом столе, покрытом льняной скатертью, исходил душистым паром заварочный чайник с чабрецом, зверобоем и мятой, стояла глиняная плошка со свежим липовым медом.

Константин зашел в мастерскую, бесшумно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Он снял разгрузку, оставшись в чистой тельняшке, и поставил свой старый армейский вещмешок в угол возле печи — жестко, уверенно, как человек, который пришел на эту землю надолго и не намерен отступать ни на шаг.

Он подошел к столу, сел напротив меня и посмотрел долгим, глубоким, греющим душу взглядом.

— Чай остынет, Константин, — тихо сказала я, пододвигая к нему большую глиняную кружку.

— Не остынет, Надя, — ответил он, и его шершавые, обожженные пальцы на мгновение накрыли мою забинтованную ладонь. — У тебя здесь такой огонь горит, что ни одной буре вовек не задуть.

Глава 3

Ночь прошла в коротком сне урывками; перед сном я еще раз проверила наши повязки. А на второе утро после налета я проснулась не от ледящего ужаса и не от воя сирен, а от звука, которого наш старый дом не слышал уже два долгих года.

Сквозь утреннюю полудрему до меня доносился мерный, звонкий и невероятно спокойный перестук: сочный удар стали о комковатый березовый комель, сухой треск раскалываемого полена и глухой стук тяжелой плахи, падающей в поленницу. В комнате пахло стылой речной свежестью, сухой полынью и горьковатой березовой смолой. Октябрьское солнце било в окно мезонина косыми золотыми полосами, расчерчивая дощатый пол теплыми янтарными лучами.

Накинув на плечи пуховую шаль, я босиком подошла к окну и замерла, прижав ладони к прохладному подоконнику.

Посреди чисто подметенного двора стоял Константин. На нем была только темно-синяя тельняшка с закатанными рукавами, натянутая на широкой мускулистой груди, да армейские штаны, заправленные в тяжелые берцы. Плотницкий колун в его руках казался невесомым. Майор двигался плавно, пружинисто, вкладывая в каждый взмах не слепую ярость, а выверенную веками силу: короткий выдох, точный удар в самую сердцевину — и толстенный узловатый кряж распадался на две идеальные половины. За пару утренних часов у стены дровяника выросла безупречно ровная поленница в человеческий рост — сухой запас березовых дров на добрых две недели.

Я накинула ватник, обула мягкие войлочные чуни и вышла на высокое крыльцо:

— Доброе утро, Константин. Идите в горницу, чайник на плите закипает.

Беркутов опустил колун, оперся на топорщице и окинул меня внимательным, теплеющим взглядом. На его высоком лбу блестели бисеринки пота, а под ключицей темнел свежий синяк от налета позавчера.

— Доброе утро, Надя. Ворота надо навесить, пока светло. Дубовая балка совсем сгнила, я из сарая сухой брус припас.

Он наотрез отказался бросать работу на полпути. Я вернулась в лавку, налила в глиняную плошку теплого домашнего льняного масла и достала мягкую волосяную кисть. Правая ладонь под повязкой еще глухо ныла после позавчерашнего пореза, поэтому кисть я держала осторожно, стараясь не тревожить рану. Пока Константин на широких плечах удерживал многопудовую кованую створку ворот, выравнивая петли по отвесу, я густо промазывала маслом каждое шарнирное соединение. Железо больше не визжало от боли — тяжелая дубовая створка стала ходить бесшумно и плавно, повинувшись легкому толчку пальцев.

Когда майор опустился на колени, чтобы закрепить нижний дубовый шпон под ступенью крыльца, его пальцы вдруг наткнулись на что-то чужеродное.

Константин замер. Движения его мгновенно стали предельно осторожными, армейскими. Поддев щепу ножом, он извлек из темной щели небольшую черную коробочку из гладкого пластика, намертво приклеенную на армированный скотч. Внутри пластикового корпуса тускло мерцал крошечный алый светодиод.

— Похоже на радиомаяк с автономным питанием, — глухо произнес Беркутов, нахмурившись. — Подручные Потапова позавчера прилепили, пока ломались в лавку. Их машины могут пеленговать этот сигнал даже в тумане. Метку для следующего налета оставили.

Он сфотографировал прибор вместе с местом крепления, положил его на глинистую дорожку и сокрушительным движением тяжелого армейского берца впечатал его в грунт. Пластик и микросхемы хрустнули, превратившись в пыль:

— Одной меткой у них меньше.

Скрипнула дверь веранды. Тетя Вера вынесла тяжелый чугунок с рассыпчатой горячей гречневой кашей, заправленной шкварками и золотистым луком, а рядом поставила блюдо румяных творожных шанег.

— Хватит железом стучать, работнички, — ласково проворчала тетя. — Стынет все. Константин Дмитриевич, садитесь за стол, сил набирайтесь.

Завтракали мы прямо на дощатой веранде. Беркутов ел с богатырским аппетитом, но по-армейски опрятно и сдержанно, не роняя ни крошки, искренне благодаря за забытый вкус домашней еды. Я налила ему большую кружку горячего смородинового отвара:

— Где вы так с деревом научились управляться, Костя? Руки боевые, а колун держите словно потомственный плотник.

Константин тепло улыбнулся, глядя на пар над кружкой:

— Отец в Костромской глуши избы рубил. Всю жизнь по лесам с топором ходил. Меня с семи лет к стругу приставил: учил бревно чувствовать, по волокну резать, чтоб щепка звенела. В спецназе железо холодное, чужое... А дерево живое. В госпитале после контузии под Кременной я только о запахе смолы и мечтал. Знал: вернусь, возьму топор в руки — и вся хворь из башки выйдет.

В его словах было столько наболевшей мужской правды, что у меня сладко сжалось сердце.

После завтрака мы спустились в лавку оценить разрушения. Беркутов мгновенно поднял глаза к потолку: главная дубовая матица от удара внедорожника дала опасную продольную трещину и глубоко провисла, угрожая обрушить потолок.

— Стоять на месте, — приказал майор.

Он метнулся в сарай и приволок сосновый подвяз и винтовой домкрат. Подставив упор, Константин начал мерно вращать рычаг. Дерево закрипело, трещина под давлением сомкнулась, и балка встала на законное место. Майор подбил упорный столб, намертво зафиксировав свод коваными скобами.

Лавка была спасена от обвала, стекло выметено, во дворе царил строгий армейский порядок. Я смотрела на широкую, надежную спину Константина и впервые за два года почувствовала, как с моих плеч спадает неподъемная тяжесть одиночества.

* * *

К полудню мы спустились в каменный подпол под мастерской. Под толстыми сводами из волжского известняка стоял прохладный полумрак, пахло сырой землей, выдержанной вековой известью и терпким духом старинной бумаги.

Причиной спуска был тяжелый стеллаж из мореного дуба, рухнувший при таране. Огромные брусья намертво завалили угол подпола, где стоял прадедовский кованый ларь из ливанской сосны с чеканными соколами на железных полосах. В этом сундуке дед хранил записи рецептов глазурей, образцы обожженной глины и семейные документы за полтора столетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.